

УДК 394

DOI 10.22162/2500-1523-2018-14-34-53

Социально-экономическое положение Калмыцкой степи во второй половине XIX в. по материалам обследования Астраханской губернии Н. Вревским*

Kalmyk Steppe in the Mid-to-Late 19th Century:
Socio-Economic Conditions according to Survey Materials
Collected by N. Vrevsky in Astrakhan Governorate

В. В. Батыров (V. Batyrov)¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (358000, Россия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8). E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin Str., Elista, 358000, Russian Federation). E-mail: valerabatyrov@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется доклад барона Н. И. Вревского, в котором сделана попытка рассмотреть социально-экономическое развитие Калмыцкой степи во второй половине XIX в. В работе Н. И. Вревского большое внимание уделено описанию скотоводства в Калмыкии, а также процессам отходничества. Кроме того, выделены, по мнению Н. И. Вревского, недостатки в работе аппарата Управления калмыцкого народа (УКН), которые привели к оторванности чиновников от понимания нужд и чаяний калмыцкого народа. Главным итогом работы Н. И. Вревского стало то, что он описал слабость и неустойчивость калмыцкого скотоводства, которые в любой момент могли перерасти в глубокий упадок. Слабость развития животноводства стала результатом потери основных зимовых мест и сдачи в аренду пастбищных территорий. К тому же любая катастрофа (засуха, эпизоотия,

¹ Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование этнических культур монголоязычных народов в условиях социокультурного взаимодействия» (№ госрегистрации 115060905739).

снежная зима и пр.) приводила к огромным потерям, их последствия калмыцкие хозяйства могли испытывать на протяжении еще многих лет. Описание наполнено субъективными оценками автора, но в них отражены фрагментарные сведения о скотоводстве калмыков. Сам доклад, выводы и предложения Н. И. Вревского, направленные на улучшение социально-экономического положения калмыцкого народа, оказались невостребованными, поскольку не соответствовали позиции Министерства государственных имуществ по отношению к калмыцкому народу. В целом же, учитывая привлечение автором большого круга информантов во время командировки по калмыцким улусам, труд барона Н. И. Вревского является ценным источником по социально-экономическому развитию Калмыкии второй половины XIX в.

Ключевые слова: история Калмыкии, скотоводство, традиционное общество, барон Н. И. Вревский

Abstract. The article examines a report by Baron N. Vrevsky that attempts to review the socio-economic development of Kalmyk Steppe in the mid-to-late 19th century. N. Vrevsky's text provides a detailed description of Kalmykia's livestock. Besides, N. Vrevsky emphasized a number of shortcomings in the work of the executive office of the Kalmyk People's Administration (Rus. *VKH*) that had resulted in that bureaucrats were divorced from understanding Kalmyk people's actual needs and aspirations. The main outcome of N. Vrevsky's efforts was that he showed the fragility and instability of Kalmyk livestock breeding that could run into trouble and decline at any moment. The helplessness of livestock breeding resulted from losses of major wintering grounds and a lease of pasture territories. Moreover, any calamity (drouth, epizooty, snow winter, etc.) would result in significant deprivations that could adversely affect Kalmyk households for many years to come. The narrative is abundant in subjective assessments of the author, but those do contain actual data about livestock economies of the Kalmyks. The report as such, corresponding conclusions and proposals made by N. Vrevsky and aimed to improve the Kalmyk people's socio-economic conditions proved unwanted since those disagreed with opinions of Ministry executives regarding the mentioned population. In general, due to the fact the author interrogated quite a number of informants from throughout the Kalmyk *uluses*, Baron N. Vrevsky's work is a precious source on Kalmykia's socio-economic development in the mid-to-late 19th century.

Keywords: history of Kalmykia, livestock breeding, traditional society, Baron N. Vrevsky

Реформа 1861 г. по отмене крепостного права в России стала стартовой точкой для подготовки отмены феодальной зависимости (обязательных отношений) калмыков-простолюдинов от аристократии: нойонов и зайсангов Калмыцкой степи Астраханской губернии.

После 1861 г. государственные деятели Российской империи видели в существовании «зависимых отношений» в Калмыкии одну из причин, тормозивших развитие калмыцкого общества. Подготовка проекта отмены обязательных отношений в Калмыкии была возложена на Министерство государственных имуществ, на котором с 1837 г. лежали обязанности по управлению калмыцким народом. В ходе подготовки реформы Министерство особенно интересовало сведения по экономическому состоянию калмыцкого народа в связи с определением компенсационных выплат представителям калмыцкой знати. Для сбора этих сведений в Калмыцкую степь неоднократно отправлялись чиновники министерства [Команджаев, Мацакова 2011: 98]. Одним из них был барон Николай Ипполитович Вревский, который составил по итогам своей поездки подробный доклад, посвященный социально-экономическому состоянию калмыцкого народа. Данное сочинение было выявлено старшим научным сотрудником сектора истории Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии и экономики при Совете министров Калмыцкой АССР (ныне — КалмНИЦ РАН) Л. С. Бурчиновой в фондах Центрального государственного архива СССР, однако в научный оборот до настоящего дня так и не было введено.

В июне 1879 г. чиновник особых поручений барон Н. И. Вревский отбыл в Калмыцкую степь по заданию министра государственных имуществ П. А. Валуева для обследования хозяйства, а 22 ноября 1879 г. Н. И. Вревский, вернувшийся из командировки, подал рапорт на имя министра государственных имуществ, в котором писал: «Вследствие возложенного на меня Вашим Высокопревосходительством поручения — ознакомиться с современным экономическим состоянием Калмыков, имею честь представить при сем доклад мой, касающийся более важных пунктов по этому предмету» [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 15]. Рапорт барона Н. И. Вревского отражает, кроме огромного трудолюбия, необычайную толерантность и внимание к нуждам калмыцкого народа.

Причины такого необычного для российского чиновника отношения к инородцам заключаются в российской общественно-политической ситуации во второй половине XIX в., а также в личности самого барона. Вревские — известный русский баронский род, про-

исходивший из внебрачных детей князя Б. А. Куракина. Николай Ипполитович Вревский, барон, камер-юнкер, коллежский асессор, родился 21 февраля 1852 г. в г. Владикавказе в семье баронов Вревских. С рождения Николай Ипполитович носил фамилию Терский, поскольку был внебрачным сыном начальника Владикавказского военного округа И. А. Вревского. После смерти отца в 1858 г. он благодаря усилиям опекунов смог получить фамилию отца — Вревский. Свое образование он начал в качестве воспитанника частного пансиона в Санкт-Петербурге, затем поступил в Морское училище, которое не закончил. Он дослужился до должности чиновника особых поручений 8-го класса, которую он получил в 1883 г., при Министерстве государственных имуществ (с 1905 г. — Главное управление землеустройства и земледелия), где он и прослужил до самой смерти в 1915 г. [Павлов 2005: 35].

Карьере на государственной службе барон Н. И. Вревский предпочитал деятельность в медицинской сфере. Можно предположить, что трудная юность, связанная с его статусом внебрачного ребенка, и нереализованные амбиции привели его к модному в тот период увлечению оккультными практиками спиритизма, магнетизма, ясновидения и других форм «магического воздействия» на природу. Этим практикам барон пытался придать научный характер, рассматривая их как средство для постижения тайн природы и человека. В конце XIX в. барон Н. И. Вревский прославился в Санкт-Петербурге своим лечением с помощью так называемой «невской воды». В опубликованной Н. И. Вревским книге описывались чудесные свойства раствора, способного исцелять от различных заболеваний, ускорять рост растений и даже оживлять мертвых животных [Вревский 1895]. Его лекарством в то время лечились самые известные люди Российской империи [Крылов-Толстикевич 2015: 154]. Например, в 1887 г. известный святитель Феофан Затворник, которому сообщили о появлении в Петербурге «доктора», лечил проблемы со зрением невской водой: «пьет воду Вревского и надеется, что она остановит ухудшение глаза» [Чудинов 2015: 30].

Несмотря на активную деятельность по распространению «невской воды», барон оставался чиновником Министерства государственных имуществ, поэтому, приехав в Калмыцкую степь в июне

1879 г., он с полной самоотдачей окупился в проблемы местных жителей. Как писал барон, он «застал степных жителей в большой тревоге» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16]. Во время засухи крестьяне, жившие по берегам Волги и по окраинам Малодербетовского улуса, были вынуждены скосить большую часть своих обширных пашен, засеянных рожью, чтобы сохранить ее хотя бы для корма скоту. Засуха привела также к тому, что у калмыков и крестьян, проживавших в Калмыцкой степи, урожай трав на сенокосных местах был очень скудный, что стало причиной того, что запасов сена на зиму во многих калмыцких родах не было сделано вовсе или сделано в незначительном количестве.

Проезжая по сенокосным местам Малодербетовского улуса и других улусов и осматривая запасы сена и зимовья, барон почти не обнаружил стогов сена 1879 г. Как он заметил, «запасы сена нынешняго года представлялись более в виде тонких слоев сена, наложенных на скирды урожая прошлых годов», что вызвало у него сомнения в том, что их хватит, чтобы прокормить скот зимой [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16].

Рассматривая экономическое положение калмыцких улусов в 1879 г., Н. И. Вревский отмечал, что крупный рогатый скот и лошади сильно потеряли в весе вследствие засухи. При осмотре в июне 1879 г. табунов и стад простых калмыков он встречал животных до такой степени истощенных, что «они насилу передвигали ноги» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 17–17об.]. В отличие от них стада и табуны нойонов и зайсангов практически не пострадали благодаря привилегированному доступу к водным источникам и наличию собственных запасов кормов.

В июле на юге степи выпали обширные осадки, что привело к улучшению ситуации по запасам кормов на зиму, но большую часть территорий других улусов это не затронуло. Особенно пострадали территории родов бухусов, хончнуров, манлан шабинеров, талтанхинов, тугтунов Малодербетовского улуса, всех родов Багацохуровского и Александровского улусов, большая часть Харахусовского, которые представляли собой, как писал барон, «совершенно безтравную поверхность, покрытую редкою и плохою полынью» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 17об.]. Даже калмыки при-

волжских улусов (Багацохуровский и Александровский), которые имели право зимовать в займищах и в принципе могли быть обеспечены запасами сена с этих займищ, столкнулись с конкуренцией со стороны крестьянского и казацкого населения, которое имело в пользовании десятиверстную береговую полосу р. Волги.

Более того, для калмыков не было никакой возможности подготовить запасы сена на зиму даже путем покупки сена у крестьян окрестных сел. Вследствие засухи и наличия большого скотоводческого хозяйства у крестьянского населения, проживавшего на р. Волге, оно само нуждалось в сене, и к зиме цены на сено сильно поднялись. Чиновники Управления калмыцким народом (УКН) пропустили период, когда сено было относительно дешево и не организовали подготовку запасов.

Единственным способом спасти коров, овец, лошадей, верблюдов оставался их перегон на Черные земли. Однако, как сообщал барон Н. И. Вревский, принимая во внимание большие расстояния и продолжительность перегонов по бестравной степи, последние являлись очень сложным мероприятием. Более того, «по словам опытных Калмыков-скотоводчиков, потеря скота в этом случае предвидится значительная, если своевременно не будет оказано им помощи» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 18].

Н. И. Вревский провел ряд встреч с крупными калмыцкими скотоводами и даже с ламой калмыцкого народа, которые сообщили ему, что перегоны на Черные земли даже в благоприятные для них зимы никогда не обходились без потери «шестой части перегоняемого скота частью от утомленья, болезни, истребления волками, которые следуют за стадом, а более всего от угона скота хищниками (т. е. скотокрадами), которые зная о времени его прогона и следя за ним, по примеру волков, выбирают благоприятную минуту для своих набегов» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 18–19].

Н. И. Вревский отмечал, что казавшееся благополучным положение калмыцкого скотоводства осложнялось состоянием кормов в самой степи. Дело в том, что, несмотря на то, что калмыцкий скот круглую зиму питается подножным кормом, «исключение составляет только крупный рогатый скот, который сам не в состоянии разкапывать густой снежный слой и доходить до подножного

корма» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 19]. Поэтому для содержания крупного скота зимой после снегопадов требуется сено для поддержания его существования, как пишет Н. И. Вревский, это примерно 3–6 фунтов сена в сутки до потепления.

В таких условиях простые калмыки оказывались всецело зависящими от действий УКН, которое могло оказать нуждавшимся калмыкам помощь сеном или деньгами [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 19об.]. Однако, не надеясь на действия властей, калмыки Малодербетовского улуса через своих уполномоченных сумели договориться с властями области Войска Донского о перегоне скота зимой на их территорию.

Рассматривая положение других улусов, Н. И. Вревский сообщал, что скот Икицохуровского улуса обеспечен травой вокруг озера Соста. Эркетеневский улус находится на территории Черных земель, которая является в трудную зиму «кормильцем» других улусов. Александровский улус, больше всех пострадавший от засухи, имел на своей территории займища, часть из них принадлежала владельцу улуса — нойону Тюменю, который мог пожертвовать часть сена для своих подвластных. Также частные владельцы островов р. Волги, по словам Н. И. Вревского, были богаты запасами сена и могут за деньги продавать сено местным калмыкам.

Харакусовский улус также сильно пострадал от засухи, но его спасала близость Эркетеневского и Икицохуровского улусов, куда имели возможность перегонять скот на зиму. Яндыковский и Мочажный улусы почти не пострадали от засухи, к тому же они были обеспечены сеном и камышом в «чернях». Чернями, писал Н. И. Вревский, «называются берега Каспийского моря, до 40 верст приблизительно перерезанные множеством длинных заливов и озер, которые во время моряны или южного ветра разливаются и по убыли воды покрываются густою травой; кроме того озера и заливы эти по окраинам изобилуют густым камышом» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 21].

В Мочажном улусе проживали беднейшие семьи калмыков, мужчины уходили на заработки, а женщины и дети оставались заниматься «домашними работами» и малочисленными стадами. «Крупные скотоводы близлежащих улусов и крестьянских сел

круглогодично пасут свой скот в степной части Мочажного улуса, но в трудные для скотоводства зимы вторгаются в сами черни с большими стадами и табунами, вытравляя корм. Семейства бедных рабочих, не имея выючных животных для перекочевки, остаются в безвыходном положении, не имея возможности прокормить свой скот» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 216]. Проезжая по хотонам Мочажного улуса, барон не раз выслушивал жалобы на самоуправство богачей-скотоводов [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 216].

В наиболее бедственном положении барон нашел два общества урочищ Бислюрта и Ноин-шире Малодербетовского улуса и Чилгир Икицохуровского улусав, в которых проживали крещенные калмыки. Барон писал, что нигде не встречал такой поразительной нищеты. Так, в хотоне на урочище Чилгир из семи семей только одна имела кибитку, а остальные шесть жили в дырявых «шалашах». Хотонный староста имел десять коров, три семьи имели по одной корове, а три оставшихся вообще ничего не имели, кроме одежды [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 22].

О степени бедности крещеных калмыков можно судить по той характеристике, которую дал лама калмыцкого народа в 1851 г., описывая примерные нормы количества домашних животных, необходимых для обеспечения существования калмыцкой семьи, по которой на одного человека следовало иметь по одной дойной корове, около ста баранов, а также на всю семью три верблюда для перевозки вещей и одну лошадь для пастьбы скота [НА РК. Ф. 42. Оп. 1 Д. 39. Л. 8].

Положение крещеных калмыков резко ухудшилось после жестокой засухи 1879 г., которая уничтожила большую часть крестьянских посевов и соответственно привела к резкому росту цен на продукты питания. Так, цены на ржаную муку в степи в некоторых местах доходили до 1 руб. 20 коп. за пуд, а калмыцкий чай, который играет важную роль в калмыком питании, продавался по цене от 2 руб. до 2 руб. 50 коп. за плитку в зависимости от его качества [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 24]. Поскольку «калмыцкое продовольствие в теплые шесть месяцев заключается в одном только молоке, в разных видах, — иногда чай» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271.

Л. 22], то в таких условиях жизненно важным для жизнеобеспечения калмыков было наличие крупного рогатого скота, который служил основным источником молочной пищи (с апреля и до сентября калмыки питались маслом, кислым молоком и творогом).

Особенно барона поразила необычайно высокий уровень семейных и родовых отношений, в том числе и формы коллективного взаимодействия и взаимопомощи: «большая часть неимущих (в хотоне на урочище Чилгир) жили на счет старшины, который по калмыцкому обычаю делился с ними по-братски своею пищею» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 22].

Пораженный такой взаимовыручкой, Н. И. Вревский писал: «Ознакомясь с бытом и обычаями Калмыков и сравнивая их с другими народами, я поневоле отдаю предпочтение первым, так как у кочевников христианское милосердие и любовь к ближнему своему вещь обыкновенная, вдовы, сироты, калеки, вообще неимущие никогда нигде не находят отказа в призрении и пищи, если таковая есть» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 22б]. Барон Н. И. Вревский видел одной из причин бедственного положения то, что «по характеру своему в высшей степени безпечному калмыки жизненных запасов на зиму не делают», не замечая, что это просто невозможно сделать в условиях кочевого быта. Но в трудные для бедных калмыков зимы все нуждающиеся получают помощь, писал барон, хотя и «отягощая своим содержанием благодетелей», но никто из них не умирает от голода [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 22б]. За рамками внимания барона осталось то, что все бедные калмыки получали помощь не просто так, а взамен они переходили под покровительство крупного скотовода и находились от него в полной зависимости. Такие «обязанные» калмыки помогали ему пасти скот, делегировали ему свои голоса на аймачном сходе, отдавали ему свои сенокосные паи и многое другое, вплоть до совершения незаконных действий: потравы пастбищ и угона скота у его конкурентов.

С каждой такой зимой среди калмыков все более вырастала социальная дифференциация, которая незаметно подрывала устойчивость традиционного кочевого общества, создавая предпосылки для концентрации скотоводства в руках одного хозяина, оставляя другим

членам рода только роль его наемной рабочей силы или вынуждая их уходить из степи на заработки. Крупные скотоводческие хозяйства, которые эксплуатировали своих однохотонцев, занимались скрытой ростовщической деятельностью под видом благотворительной помощи нуждающимся, так как в традиционном обществе монгольских народов любой подарок всегда требовал «отдарка» в любой его форме, в том числе и форме наемного труда за минимальную плату [Жуковская 1986: 160–161].

Небольшую помощь бедным калмыкам оказывало и УКН. Так, зимой 1875–1876 гг. УКН выдавало всем нуждающимся «полдоски чая, пуди или двух муки» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 23], что даже самому Н. И. Вревскому показалось весьма незначительной помощью. УКН в данном случае пошло по наименее затратному пути, полностью переложив всю тяжесть материальных затрат по помощи нуждающимся на традиционные калмыцкие институты: родовые общества и хурулы, которые «без предписаний, если есть малейшая возможность, по обычаю призывают бедных и делятся последним, что имеют» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 23].

Общаясь с буддийским духовенством Н. И. Вревский заметил, что одной из главных причин недовольства калмыков действиями центральной власти являются мероприятия УКН по сокращению численности буддийского духовенства. «Возрастающий ропот самой влиятельной касты народа, духовенства», писал барон, «вытекает из того, что штат его утвержденный (в положении о калмыках), несмотря на многократные ходатайства Бакшей (настоятелей хурулов) и Ламы Калмыцкаго народа перед Главным Попечителем, не утверждается и ходатайства эти остаются годами без всякого ответа, так что до моего отъезда из степи неутвержденных духовных лиц было, по словам Ламы, до 500 человек» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 30].

В целом народное недовольство также вызывали злоупотребления чиновников УКН, их вмешательство в решения аймачных и улусных сходов и, наконец, высокомерное поведение некоторых чиновников по отношению к калмыкам, что, как правильно замечал барон, уязвляет «народное самолюбие, оставляет немаловажную

причину их ненормальных отношений» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 30].

Слабость и неустойчивость калмыцкого скотоводства в условиях потери основных зимовых мест в результате заселения крестьянами Калмыцкой степи ярко показана в сочинении Н. И. Вревского, который писал, что в «шурганную и снежную зиму 75/76 года <...> ссуда нуждающимся была сделана в некоторых улусах не своевременно», что привело к многочисленным фактам разорения калмыцких хозяйств. Так, рассматривая дела Управления Южной частью Малодербетовского улуса за 1876 г., барон Н. И. Вревский обратил внимание на то, что калмыки, поставленные в трудное положение, платили невероятные цены крестьянам окрестных сел за корм скоту, которого хватало на несколько дней. Большинство из тех, кто не имел денег на закупку кормов, просто отдавали свой скот крестьянам в залог. Например, «калмык Удудьчинова рода зайсанга Балданова Чован Засунов остался должен за три сажени соломы крестьянину Василию Деревянскому 50 р.; поселка Шандосты Алексею Бычкову за то же количество соломы, которой кормил двух быков, — 50 р.; крестьянину Кириллу Латаренки за прокорм быка и 3-х коров калмыка Неме Чучинова за четыре сажени соломы 100 р.; за прокорм 23 быков за несколько дней 755 р.; крестьянину Ивану Башмакову за прокорм коров соломой Калмыка Сумьянова 13 р. и т. д.: деньги эти были уплачены попечителем вышеупомянутым крестьянам для выкупа, бывшего у них в залоге калмыцкого скота, взамен выдачи калмыкам вспомоществования» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 25].

В довершение ко всему вспышка чумы в 1879 г. привела к тому, что в результате установленного карантинного оцепления калмыки Малодербетовского, Багацохуровского и Александровского улусов понесли значительные материальные потери, когда лишились возможности сбывать скот на ярмарках, наниматься в работники в близлежащих станицах и селах и уходить на рыбные промыслы на весеннюю путину. К тому же чума и карантин стали причиной резкого роста цен на основные продукты (мука и чай), необходимых в кочевом быту. Трудное положение калмыцкого народа в 1879 г. подтверждалось ценами на скот последних приволжских ярмарок в

с. Селитренное и в Енотаевске. Пострадавшие от засухи калмыки, боясь повторения зимы 1875–1876 гг. и не имея средств на закупку сильно подорожавших кормов, наводнили ярмарки своим скотом, что привело к сильному падению цен на него. На открывшейся 1 октября ярмарке в с. Селитренное овцы продавались по цене от 1 до 1,5 руб., коровы (3–5 лет) — по цене до 5 руб., коровы (старше 5 лет) — от 10 до 15 руб., на лошадей «по случаю сильной худобы» не было спроса вообще. Как сообщал Н. И. Вревский, была продана всего одна лошадь за 40 руб., которую оценили не за ее стати, а за ее «жирность». Между тем, цена на ржаную муку в развеску достигала цены 1 руб. за пуд. На открывшейся 16 октября ярмарке в Енотаевске цены были выше: бараны от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп., коровы «старья» от 40 до 65 руб. за пару. В менее пострадавших от засухи регионах цены не изменились. На открывшемся в начале октября в с. Ремонтное базаре цены на скот были сравнимы с ярмаркой, прошедшей в августе в с. Кресты, на которой барон побывал лично. Как писал Н. И. Вревский, во время его пребывания на ярмарке «цены были следующие: старая пара быков от 100 до 160 рублей, трехлетние — от 60 до 80 руб. за пару, двухлетние — от 30 до 40 р. за пару, корова — от 25 до 35 рублей» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 25].

Следует отметить, что в своем сочинении барон отмечал застой государственного управления и его несоответствие потребностям экономического развития Калмыцкой степи. Особенно это касалось неправильных статистических данных, которые подавали чиновники УКН. Так, он писал, что «хотя в улусных управлениях и есть сведения о количестве и роде имеющегося налицо скота при каждой кибитке и запасов сена, но, делая многократные проверки в бытность мою в степи, я убедился, что сведения эти идут вразрез с действительностью» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 15].

В этой частной проблеме барон видел серьезные системные сбои как в работе органов власти, так и в действующих правовых нормах, что наглядно выражалось в избыточном делопроизводстве и в нехватке кадров. Попечители улусов при «существующих порядках» практически не имели возможности проверять сведения, писал барон, ибо завалены письменной работой по составлению

многочисленных отчетов и докладов [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 16]. Это привело к тому, что попечители калмыцких улусов практически не покидали ставок улусов, краткосрочно выезжая в степь только по следственным делам, чтобы наспех ознакомиться с ситуацией и вернуться обратно в ставку, чтобы продолжить работу над накопившимися во время их отлучек делами. Получение достоверной информации о численных показателях, явлениях и процессах экономической жизни Калмыцкой степи полностью передавались чиновниками УКН в руки опекунов и правителей улусов, которые в свою очередь делегировали эти обязанности аймачным зайсангам, а те в свою очередь — родовым старшинам.

Оценивая роль местных управленческих кадров, барон давал им нелестные оценки, характеризуя их всех, кроме некоторых исключений, как людей «неразвитых, ленивых», однако сам же честно признавал, что правители улусов и аймачные зайсанги, будучи всецело заняты управлением своих огромных хозяйств, просто не имели времени вникать во все тонкости дел простых калмыков и управления ими. Соответственно, все полученные сведения УКН о состоянии калмыцкого хозяйства не имели никакой практической ценности, потому что не подвергались никакой проверке и сравнению с настоящим положением дел, а значит и не давали никакой возможности оценить масштабы экономики Калмыцкой степи и закономерности ее развития [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 17].

Очень подробно барон рассмотрел налогообложение калмыцкого народа, которое наиболее ярко показывало всю безответственность и оторванность от реальной жизни чиновников УКН. Как отмечал барон, во время его командировки чиновники циркулярами и предписаниями приказывали попечителям улусов заставить калмыков не только выплатить денежные сборы за 1879 г., но также и недоимки за все предыдущие годы. Здесь наиболее примечательна и показательна ситуация, в которой откомандированный чиновник из Петербурга прекрасно видел, в отличие от чиновников УКН, невозможность своевременной уплаты калмыками при всем желании даже за 1879 г. Н. И. Вревский писал, что «калмыки приволжские и другие пострадали в прежних годах, прошлым летом этого года»,

что достаточно сильно отозвалось на их экономическом благосостоянии, в особенности населения Багацохуровского улуса [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 26].

Как результат внутренней замкнутости процессов управления, обособленности УКН от общественной жизни калмыков стало повсеместное утверждение ведомственности и местничества. Немудрено, что в таких условиях пышным цветом расцвели многочисленные злоупотребления, что привело к большому скандалу, когда в Малодербетовском улусе вскрылись нарушения в сфере сбора податей и недоимок за прошлые годы после взимания пожертвованных калмыками этого улуса денег на военные нужды [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 27].

Главной причиной таких нарушений барон считал несоответствие реалиям жизни системы покибиточного сбора податей или *албана*. В налоговой системе Российской империи денежные сборы передавали казначею (в Калмыцкой степи — *демчей*) сами плательщики или их доверенные лица, которые, принимая от них деньги, выдавали квитанции или расписки в их получении [Абашев 2017: 76]. Именно в этой системе денежных расписок плательщикам налогов крылись истоки злоупотреблений, когда добропорядочные плательщики из числа неграмотных калмыков либо не получали расписок, либо, если получали, то на меньшую сумму от заплаченных денег. Как сообщал барон, в этом он неоднократно лично убеждался, когда «по словам людей, которым я не имею основания не доверять, уплоченные Калмыками деньги частью идут в собственность сборщиков, утаенные же ими деньги записываются в недоимку плательщику» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 27]. Украденные таким образом деньги оставались в виде недоимок на следующие годы или просто оставались неоплаченными.

Неграмотные плательщики долгое время могли оставаться в неведении относительно своих недоимок, благодаря тому, что «по разным незнакомым <барону> комбинациям» сборщик налогов *демчей* годами не тревожил покой обманутого плательщика уплатой недоимков. Кроме покибиточного сбора, калмыки несли различные повинности и выплачивали денежные сборы на нужды улусных управлений, по которым расписки вообще не выдавались.

Демчеи только подавали списки плательщиков, что еще более запутывало проверки расписок по уплате албана, потому что улусные попечители часто ограничивались только сверкой соответствия квитанций по внесению денег сборщиками в казначейство с отрезанными купонами, выданными плательщикам «якобы на ту же сумму» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 28]. Выяснить же, действительно ли купоны выданы *демчеем* на ту же сумму, что и полученные с калмыков деньги, у попечителей не было ни времени на это, ни физической возможности, а часто и желания. Это было связано с тем, что попечитель непременно сталкивался с тем, что для проверки следовало совершить длительную поездку, чтобы опросить калмыцкое население, которое дисперсно проживало по степи. Отдельно надо указать, что условия кочевого быта вместе с патриархальными отношениями и круговой порукой, доминировавшими в калмыцком обществе, приводили к тому, что калмыки часто небрежно хранили такие расписки и теряли их, либо верили на слово своим *демчеям*, часто из привилегированного сословия, либо не брали расписки вообще [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 28].

Для устранения таких злоупотреблений барон предлагал ввести систему денежных сборов, сходную с «правилами взимания денежных сборов с государственных крестьян» от 12 декабря 1844 г. [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 28]. По этим правилам всем крестьянам вместо квитанций выдавали платежные книжки, которые они должны были хранить до следующей переписи населения. Сборщик, принимая деньги, должен был сам или через писаря записать в податной тетради напротив имени плательщика сумму и дату платежа, а в платежной книжке — когда и сколько принято денег на общие сборы [Абашев 2017: 127–128]. По мнению Н. И. Вревского, такие книжки, по примеру крестьянских, удачно бы заменили расписки, при введении которых исчезла бы неизвестность подлежащей к уплате суммы годового покибиточного сбора и отделения ее от различных других повинностей. Следует отметить, что Н. И. Вревский отмечал, что те калмыки, которые занимались отходническими промыслами и для этого получали билеты на право «наниматься в работы» от улусных управлений, прекрасно понимали

как важность своевременной и точной уплаты денежных сборов, так и опасность обмана со стороны, казалось бы, родственным им *демчеев*. Поэтому, уплатив все причитающиеся с них подати и сборы, они аккуратно хранили расписки и поэтому знали точное количество уплаченных ими денег. Это было связано с тем, что такие калмыки часто знали русский язык и нередко сталкивались с необходимостью постоянной защиты своих прав от их нарушения со стороны недобросовестных нанимателей.

Особо барон Н. И. Вревский выделял проблему различной суммы денежных сборов на «улусные надобности». Если сумма албанного и зайсангского сбора была одинакова для всех калмыцких улусов (как владельческих, так и казенных), то плата на «улусные надобности» могла значительно различаться в зависимости от улуса. Так, при проверке расписок барон часто сталкивался с тем фактом, что проживавшие в одном хотоне калмыки уплачивали различные суммы в зависимости от своей принадлежности к разным улусам. Для решения этой проблемы барон предлагал уравнивать сбор на «улусные надобности» для всех улусов, чтобы не было разницы в уплачиваемых калмыками деньгах. Н. И. Вревский предлагал нехитрую формулу такого «уравнивания», по которой предполагалось сложить утвержденный трехлетним сходом ежегодный сбор по всем улусам в общую сумму, а затем разделить ее на число всех «состоятельных» кибиток Калмыцкой степи [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 29].

Платежную книжку барон предлагал постоянно хранить в кибитке, чтобы даже при отсутствии хозяина *демчей* мог вписывать на первом листе всю сумму следующих к уплате ежегодных сборов. При получении денег сборщик вписывал бы в книжку полученную сумму с указанием даты и имени плательщика и оставшуюся за плательщиком недоимку. Эти же сведения *демчей* должен был продублировать в «общей книге производимых им сборов». По мнению чиновника, такая система давала бы возможность калмыкам всех улусов платить одну и ту же сумму и иметь возможность самостоятельно проверять написанное в книжке, при помощи грамотных однохотонцев, даже в случае отсутствия возможности контроля со стороны чиновников УКН по ежегодной проверке платежных

книжек. Платежные книжки, которые бы выдавались на несколько лет, могли способствовать тому, что улусные попечители, проезжая по улусам и взяв с собою общую приходную по сборам калмыков книгу, имели бы возможность при случае проверять платежные книжки [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 29–30].

Кроме предложений по реформированию системы налогообложения калмыков, барон также предлагал свой способ развития калмыцкого скотоводства. Существование так называемых арендных статей (т. е. сдача пастбищ в аренду скотоводам близлежащих губерний) приносило небольшой доход в капитал калмыков. Сама сдача пастбищ в аренду на торгах «усилиями» чиновников УКН происходила в неудобных местах и с большим опозданием, что позволяло отдельным арендаторам без конкуренции и за дешевую плату арендовать калмыцкие земли. Мнение барона основывалось на том, что сдача пастбищ в аренду ограничивала развитие хозяйств простых калмыков, и возвращение этих пастбищ в хозяйственный оборот калмыцких хотонов привело бы росту их благосостояния [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 22].

В заключение надо добавить, что приезд из столицы чиновника, который уважительно относился к калмыцкому народу и сочувствовал их проблемам, стал для калмыков «большой радостью», которые искренне считали, что доклад барона Н. И. Вревского сможет изменить сложившееся положение вещей в экономическом положении калмыцких улусов. Поэтому, как писал барон министру государственных имуществ П. А. Валуеву, «в настоящее время народ с надеждой молится и ждет Вашего всесилоного слова, зная, что оно одно может изменить их настоящее положение» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 31].

В представленном докладе барон сделал попытку рассмотреть социально-экономическое развитие Калмыцкой степи во второй половине XIX в. Конечно, данное описание содержит субъективные оценки автора, но в докладе имеются ценные сведения о скотоводстве калмыков с точки зрения современника и очевидца. Более того, сам Н. И. Вревский проявил себя на удивление отзывчивым человеком, который с большим сочувствием отнесся к бедам и нуждам калмыков. В его сочинении можно встретить примеры того, что

автор явно симпатизировал калмыцкому народу, ратовал за более гуманное отношение к «кинородцам», призывал к улучшению условий их жизни. Он не просто остался сторонним наблюдателем, а смог разработать и предложить целый ряд мероприятий по улучшению жизни и быта кочевников. Особенное внимание барон придавал разнообразным проектам экономического развития Калмыцкой степи.

Отдавший всю жизнь государственной службе, барон отчетливо видел недостатки государственного управления в Российской империи, что сделало его приверженцем либеральной идеологии. Следует отметить, что во второй половине XIX в. либерализм, который возник в дворянской среде, стал одним из общественных движений, который показал возможность социального прогресса в России эволюционным путем [Смагина 2015: 38].

Однако доклад барона не соответствовал позиции Министерства государственных имуществ по отношению к калмыцкому народу. Все предложенные Н. И. Вревским преобразования в области животноводства шли вразрез с интересами крупных скотоводов как внутри Калмыцкой степи, так и за ее пределами, поскольку грозили им большими убытками из-за потери калмыцких пастбищ. Также они противоречили интересам волжских рыбопромышленников, для которых подъем калмыцкого скотоводства грозил сокращением численности дешевых наемных рабочих из калмыцких улусов для ловли рыбы. Другая предложенная им мера по увеличению численности буддийского духовенства шла против интересов правительства и православной церкви по христианизации калмыков, а реформирование системы покибиточного сбора податей было негативно воспринято чиновниками УКН.

Барон Н. И. Вревский, каким бы ни был сочувствовавшим нуждам калмыцкого народа и понимавшим их, все-таки оставался человеком «со стороны», который физически не мог понять все реалии и тенденции экономического развития Калмыцкой степи и вникнуть в них за несколько месяцев, проведенных в степи, что и привело к появлению таких достаточно наивных предложенных им мероприятий по улучшению жизни и быта калмыков. В конечном итоге рапорт барона был принят министром государственных имуществ П. А. Валуевым для информации, но никак не повлиял

на продолжавшиеся процессы обеднения калмыцких кочевников, а затем был забыт на долгие годы в архиве, став в дальнейшем ценным источником по истории Калмыкии второй половины XIX в.

Таким образом, в работе Н. И. Вревского большое внимание уделено описанию усиливавшегося процесса обеднения калмыков и связанного с ним отходничества. Особенное внимание Н. И. Вревский обращал на недостатки в работе аппарата УКН, которая привела к оторванности чиновников от понимания нужд и чаяний калмыцкого народа. Но главным результатом работы Н. И. Вревского стало то, что он показал всю призрачность казавшегося благополучным положения калмыцкого скотоводства, которое в любой момент могло привести к глубокому упадку. Потери основных зимовых мест в результате заселения крестьянами Калмыцкой степи, сдача в аренду территорий привели к неустойчивости и рискованности калмыцкого скотоводства, когда любая катастрофа (засуха, эпизоотия, снежная зима и пр.) приводила к огромным потерям, последствия которых калмыцкие хозяйства могли испытывать еще на протяжении многих лет. В целом, учитывая привлечение автором большого круга опрошенных, а также непосредственных наблюдений, которые были сделаны во время командировки по калмыцким улусам, труд барона Н. И. Вревского является ценным источником по социально-экономическому развитию Калмыкии второй половины XIX в.

Литература / References

- Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. 42. Оп. 1. Д. 39. [National Archive of the Republic of Kalmykia]. Fund 42. Ser. 1. File 39.]
- Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. [*Nauchnyy arkhiv Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*] [Archive of the Kalmyk Scientific Center of the RAS]. Fund 4. Ser. 2. File 271.]
- Абашев 2017 — *Абашев А.О.* Налоговая система России. X – начало XX в. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. 258 с. [Abashev A.O. *Nalogovaya sistema Rossii. X – nachalo XX v.*] [Russia's tax system: 10 – early 20th cc.]. Khabarovsk: Pacific National University, 2017. 258 p. (In Rus.)]
- Вревский 1895 — *Вревский Н. И.* Письма к барону Н. И. Вревскому. СПб.: [б. и.], 1895. 140 с. [Vrevskyy N. I. *Pis'ma k baronu N. I. Vrevskomu*] [Letters to Baron N. Vrevsky]. St. Petersburg, 1895. 140 p. (In Rus.)]
- Жуковская 1986 — *Жуковская Н. Л.* «Подарок-отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов [электронный ресурс] //

- Mongolica-I: Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 160–168. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/p_mongolica_1_1986_17_zhukovskaya.pdf (дата обращения: 10.11.2018). [Zhukovskaya N. L. A system of social values of Mongols: ‘gift – return gift’ practices and their role. *Mongolica-I*. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 160–168. An Internet resource: see hyperlink above (accessed: 10 November 2018). (In Rus.)]
- Команджаев, Мацакова 2011 — *Команджаев А. Н., Мацакова Н. П.* Реформа 1892 года в Калмыкии: отмена личной зависимости калмыков-простолюдинов от нойонов и зайсангов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2011. 240 с. [Komandzhaev A. N., Matsakova N. P. *Reforma 1892 goda v Kalmykii: otmena lichnoy zavisimosti kalmykov-prostolyudinov ot noyonov i zaysangov* [The 1892 Reform in Kalmykia: abolishing personal dependence of Kalmyk lower classes on *noyons* (landlords) and *zaisangs* (noblemen)]. Elista: Kalm. State Univ., 2011. 240 p. (In Rus.)]
- Крылов-Толстикевич 2015 — *Крылов-Толстикевич А. Н.* Придворный календарь на 1915 год. Комментарии. М.: [б. и.], 2015. 764 с. [Krylov-Tolstikovich A. N. *Pridvornuyu kalendar' na 1915 god. Kommentarii* [The 1915 Court-Guide: comments]. Moscow, 2015. 764 p. (In Rus.)]
- Павлов 2005 — *Павлов А. А.* Бароны Вревские: Материалы к истории рода и фамилии. Псков, 2005. 62 с. [Pavlov A. A. *Barony Vrevskie: Materialy k istorii roda i familii* [The Vrevsky Barons: materials for a history of the clan and family name]. Pskov, 2005. 62 p. (In Rus.)]
- Смагина 2015 — *Смагина С. М.* Российский либерализм начала XX века: теория и практика. Историкографические сюжеты // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 2. С. 37–43. [Smagina S. M. Russian liberalism of the early 20th century: theory and practice. Historiographic themes. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2015. No. 2. Pp. 37–43. (In Rus.)]
- Чудинов 2015 — *Чудинов Д. А.* Неизвестная духовная дочь Феофана Затворника: из переписки В. А. Иордан и Саввы (Тихомирова) // Феофановские чтения. Вып. VIII. Рязань: Рязанск. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. С. 28–32. [Chudinov D. A. The unknown spiritual goddaughter of Theophan the Recluse: excerpts from letters between V. A. Iordan and Savva (Tikhomirov). *Feofanovskie chteniya*. Is. VIII. Ryazan: Yesenin Ryazan State Univ., 2015. Pp. 28–32. (In Rus.)]